

Отзыв

официального оппонента, доктора исторических наук, профессора
Н.Н. Петрухинцева на диссертацию
Яфаровой Мадины Рашидовны
«РУССКО-ОСМАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В 1677-1681 ГГ.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Диссертация Мадины Рашидовны Яфаровой исследует одну из важных тем, без которой невозможно адекватное понимание множества проблем не только внешней политики, но и внутривосточного развития России во второй половине XVII века – кульминацию военного конфликта России и Османской империи в заключительной его фазе в 1677-1681 гг., больше известной в историографии под ярлыком «Чигиринских походов». Масштабный военный конфликт с Османской империей стал одним из «ключевых узлов» российской истории этого периода, укрепив новую военную организацию Российского государства, модернизированную в ходе военных реформ Алексея Михайловича, но одновременно - испытав на прочность продолжительными тотальными мобилизациями трансформированные ей социальные структуры. Не исключено, что именно он вызвал заметный рост социального напряжения в стране, обнаружившийся вскоре после его окончания в ходе массовых волнений, сопровождающих династический кризис 1682 г. Дополнительную актуальность исследованию придает и его «украинское измерение». Этот конфликт разворачивался главным образом на территории Украины и был теснейшим образом связан с «украинской политикой» России, вызывающей сейчас весьма противоречивые оценки прежде всего в силу недостаточного знания ее мотивов как с российской стороны, так и со стороны руководства самой украинской автономии. Их объективную картину как раз тщательно восстанавливает М.Р. Яфарова, опираясь на архивные источники.

Еще одной заслугой исследовательницы, которую хотелось бы подчеркнуть с самого начала, является выявление *истинных масштабов* этого конфликта, нередко недооцениваемых в историографии – М.Р. Яфарова показывает, что он выходил далеко за рамки узко-регионального и ко времени второго Чигиринского похода 1678 г. фактически потребовал мобилизации основных сил Османской империи. По ее мнению, он превратился в один из наиболее значимых «европейских» конфликтов Турции в XVII в., сопоставимый по масштабам с последовавшим вскоре «венским походом» 1683 г., что во многом объясняет и поведение российского военного руководства в нем.

Конечно, Мадина Рашидовна, как это и заявлено в самой теме ее исследования и во вводной части диссертации (с. 5-6), сосредотачивается в первую очередь на военных и внешнеполитических аспектах русско-османского противостояния, но воссозданная ей широкая и объективная панорама этого конфликта создает важнейший контекст для понимания всех этих проблем, многие из которых так или иначе затрагиваются в ее работе.

Во Введении дана характеристика целей и задач исследования, методологии и методики, применяемой автором. Его структура и содержание вполне соответствуют необходимым требованиям, предъявляемым к данной части диссертационного исследования. Историографическая часть исследования разрослась в обширную и самостоятельную часть введения (с. 25-87), в ней М.Р. Яфарова убедительно демонстрирует знание обширного круга литературы по данной проблеме, поделенной ей на четыре основных группы (1) русская и советская; 2) украинская; 3) турецкая; 4) западноевропейская). Использование турецкой историографии и источников является несомненным плюсом данной работы.

Источниковедческий раздел введения представляется нам еще более значимым. Автор не только владеет всем диапазоном опубликованных источников (как русских и украинских, так и иностранных), но прежде всего строит свое исследование на архивных материалах, извлеченных как

минимум из пяти основных фондов РГАДА. Главный из них (ф. 210 – Разрядный приказ) отличается чрезвычайной обширностью своей документальной коллекции, явно недостаточно систематизированной в его описях, и требует кропотливого труда при сплошном просмотре его тысячелистных столбцов, крайне плохо читаемых в микрофильмах. Исследование М.Р. Яфаровой – прежде всего «трудовая» диссертация, ставшая результатом огромной черновой работы в архивах, которая и предопределила его успех.

Структура работы, поделенной на 4 главы, вполне соответствует целям и задачам, заявленным во введении. Первая глава посвящена сравнительной характеристике участвовавших в конфликте противоборствующих армий; остальные три – анализируют логику развития конфликта и определяемый ей ход военных действий.

В первой главе автор, пожалуй, сталкивается с наибольшими затруднениями. Дать четкую и детальную характеристику военной организации Турции в указанный период в силу ее «полумилиционного» характера и наличия нескольких аморфных контингентов вспомогательных иррегулярных войск до конца не позволяют источники, а военные реформы в России, несмотря на значительные успехи в их осмыслении в последнее десятилетие (прежде всего в работах О.А. Курбатова, В.Н. Малова, А.Н. Лобина, И.Б. Бабулина и др.), все еще изучены далеко не удовлетворительно. Тем не менее не лишены интереса наблюдения автора о сопоставимости численности «центрального ядра» обеих армий – поддерживаемых государством централизованных военных структур (янычар и кавалеристов капыкулу в Турции, составляющих 70-73 тыс. чел. (с. 95-96); конных и солдатских полков «нового строя» и корпуса московских стрельцов в России, в совокупности несколько превышающих эту цифру) при явном преобладании ресурсов турецкой тимарной системы, теоретически позволяющей выставить в поле (при более вероятной реальной численности в 120 тыс. чел.) 200-тысячную армию, что было вряд ли возможно для России.

Не менее интересны и наблюдения автора над типологией военных структур двух стран: М.Р. Яфарова приходит к выводу, что в том и другом случае они были порождены кризисом поместной системы. Однако реформированная лишь частично военная организация Турции стала консервативной реакцией на этот кризис с попыткой возрождения традиционных основ тимарной системы, в то время как русская подверглась более значительной модернизации по пути заимствования европейских форм военной организации (с. 114). Правда, акцентируя внимание на новых формах военной организации, автор, следуя А.В. Чернову, пожалуй, несколько недооценивает все еще весьма значительную роль московских стрелецких полков в военной структуре 1670-х гг. (с. 108) – даже в приводимой ей смете войск похода 1679 г. стрельцы, по нашим подсчетам, составляют 14,5 тыс. чел. (17% численности всей армии). Впрочем, военные реформы и военные структуры не являются главным объектом ее внимания, и некоторые шероховатости в их характеристике при нынешнем состоянии историографии неизбежны и вполне извинимы.

Вторая и третья главы диссертации анализируют кульминационную фазу военного противостояния России и Турции, на которой М.Р. Яфарова сосредотачивает главное внимание, а потому являются основными в работе. Именно в них исследовательский потенциал диссертанта реализуется в полной мере.

Вторая глава («**Первый Чигиринский поход 1677 г.**») начинается с анализа стратегических планов сторон на кампанию 1677 г., неизбежную после капитуляции гетмана П. Дорошенко и перехода Правобережья Украины де-факто под контроль России.

Осмысляя реакцию Турции на эти события, М.Р. Яфарова приходит к справедливому выводу, что турецкие власти недооценили их масштаб и серьезность планов российской стороны, а потому первоначально рассматривали конфликт как локальный, не став объявлять войну и ограничившись наличной региональной группировкой войск, действовавшей

в предшествующем году против Польши, а также долгое время колебались в выборе направления главного удара. В связи с этим диссертант, в отличие от доминирующей в историографии традиции, высказывает мнение о меньшей численности турецкой армии в этой кампании, имевшей не более 65-70 тыс. чел., среди которых собственно османы составляли лишь 35-40 тыс. (с. 130), что, однако, по ее мнению, не должно вести к недооценке боеспособности этой группировки, успешной выигравшей до этого столкновение с Польшей. Может быть, недостаточно убедительным представляется лишь вывод о влиянии на выбор Чигирина конечной целью похода позиции Ю. Хмельницкого, малозначимость фигуры которого в глазах турецких властей сам автор подчеркивает уже здесь (с. 118-119) и далее.

Тщательная работа с архивными источниками позволяет Мадине Рашидовне более детально восстановить планы российской стороны, и именно это, как и в следующей главе, является огромной заслугой автора, позволяя соотнести результаты чигиринских походов с их первоначальными стратегическими замыслами со стороны России. Последние в предшествующей историографии, как правило, не были известны детально и часто оценивались в «гадательном» плане, что в основном и породило спектр самых противоречивых оценок этих кампаний, а в последнее время – и спекуляций вокруг них в ангажированной части украинской историографии.

Анализ комплекса документов, определяющих планы кампании, приводит автора к выводу, что российская сторона шла навстречу стремлениям украинского казачества и вовсе не планировала оставлять Правобережье, однако с самого начала ориентировалась на оборонительную стратегию в войне против Турции в целом и в кампании 1677 г. в частности, с акцентом на стратегической обороне Чигирин и на военном давлении со стороны российской группировки войск, не планировавших вступить в генеральное сражение с основными силами турок, справедливо надеясь на их неизбежный уход поздней осенью из-за истощения ресурсов. Эту точку

зрения равно разделяли украинский гетман И. Самойлович и командующий русской группировкой кн. Г.Г. Ромодановский, действовавшие в тесном тандеме на основе глубокого взаимопонимания, а российское правительство шло навстречу многим пожеланиям и предложениям И. Самойловича.

Оборонительная стратегия диктовалась и тем, что русская армия, приведенная Г.Г. Ромодановским и И. Самойловичем к Чигирину с некоторым опозданием (М.Р. Яфарова скорее считает его следствием этого стратегического замысла, чем нерешительности командования (с. 188)), уступала в численности турецкой, составляя на 26 июля 1677 г. 42,3 тыс. чел. (с. 142-144). Возможно, следовало бы представить состав этой армии, выявленный диссертанткой по архивному источнику, в обобщенной табличной форме, с группировкой по чинам и процентами нетчиков по каждой группе, а сам опубликованный ей список вынести в приложение. Это сделало бы его последующий анализ более наглядным.

Как показал анализ М.Р. Яфаровой обстоятельств конкретного хода кампании, выбранная стратегия в 1677 г. себя вполне оправдала, и турецкая армия, не сумевшая (в том числе и из-за недостатка осадной артиллерии) взять Чигирин, после переправы 27-28 августа части русских войск на правобережье Днепра, предпочла спешно уйти с Украины. Можно согласиться с ее выводом, что кампания 1677 г. оказалась в целом успешной для русской стороны, а негативные факторы (местничество воевод двух отдельных армий Г.Г. Ромодановского и В.В. Голицына, ограниченность инициативы командующих директивами центра, борьба группировок у трона, ярко обрисованная П.В. Седовым) в конечном итоге не оказали на ее исход существенного влияния.

Несомненной заслугой диссертантки является показ логики русско-османского противостояния. Она рассматривает два Чигиринских похода в тесной взаимосвязи, как звенья одного последовательного процесса, достигшего кульминации в 1678 г., когда неудача кампании 1677 г.

вынуждает турок превратить конфликт в масштабную войну с Россией и мобилизовать свой основной военный потенциал.

Третья глава, посвященная Чигиринской кампании 1678 г., убедительно демонстрирует эту логику развития конфликта. Не случайно она занимает центральное место в работе и по объему составляет почти треть текста диссертации (110 стр.).

Автор, как и в предыдущей главе, прежде всего анализирует подготовку сторон к главному военному столкновению, потребовавшему мобилизации основных сил Османской империи. М.Р. Яфарова восстанавливает численность мобилизуемой турецкой армии (120-130 тыс. чел.), из которых реально боеспособные полевые части составляли 85-95 тыс. (с. 202) и, отталкиваясь от наблюдений П. Гордона и Д.Г. Федосова, приходит к выводу, что она сопоставима (и возможно даже несколько превышает по численности) турецкую армию в походе 1683 г. под Вену, причем в значительной степени совпадает с последней и по своему персональному составу (с. 202-207). Показывая реальный масштаб конфликта, диссертант предостерегает от недооценки турецких сил, свойственной историографической традиции, сформированной победами русской регулярной армии в русско-турецких войнах второй половины XVIII века, а потому несколько пренебрежительно оценивающей действия русской армии в 1678 г., которая к тому же, по ее наблюдениям (с. 236) уступала в численности турецкой.

Неудивительно, что сознававшее опасность столкновения с главными силами турок русское правительство не менее серьезно готовилось к новому витку противостояния, а Г.Г. Ромодановский и И.С. Самойлович снова сделали ставку на оборонительную стратегию, фактически повторявшую в основных чертах план кампании 1677 г. Оба они еще весной высказались за необходимость обороны и восстановление Чигирин, серьезно разрушенного предыдущей осадой. Анализируя планы кампании, автор, вслед за П.В. Седовым, решительно рушит созданную в свое время А.П. Богдановым

легенду о тайном приказе о сдаче Чигирина, якобы отданном Федором Алексеевичем: М.Р. Яфарова показывает, что вопрос о возможности удержания города поднимался русским правительством лишь в конкретных условиях весны 1678 г., в ожидании раннего прихода османской армии на Украину, в ситуации, когда укрепления Чигирина еще не были восстановлены, и риск потери города был действительно велик. К началу лета, когда город был укреплен и гарнизон его, следуя предложениям И. Самойловича, существенно усилен, правительство и Г.Г. Ромодановский в случае начала турками военных действий намеревались решительно оборонять Чигирин, и реализовали этот план на деле.

Героическая месячная оборона Чигирина И.И. Ржевским и П. Гордоном, оказавшимися в гораздо более тяжелых условиях, чем в 1677 г., под массированными обстрелами привезенной теперь главной армией турецкой осадной артиллерии, интенсивность которых (по моим подсчетам) достигала в среднем 1 выстрела в минуту, сделала повторение прошлогоднего оборонительного плана почти осуществимым. Однако ряд тактических ошибок Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича (позднее выдвижение к переправам через Днепр у Чигирина, вызванное дезинформацией о движении турецкой армии на Киев; потеря контроля над переправами через Тясмин и стратегическими высотами у них, не позволившая вовремя подвести армию к Чигирину и деблокировать его; неудачная смена украинского гарнизона в Чигирине в момент последнего турецкого штурма) не позволили реализовать его в полной мере и привели к потере Чигирина буквально накануне того дня, когда турки были готовы уже снять осаду и увести армию. Это коренным образом изменило ситуацию и заставило Г.Г. Ромодановского, проведшего ряд активных боев за овладение высотами у переправы, увести армию от Чигирина, что привело к утрате стратегического контроля над Правобережьем.

Надо сказать, что М.Р. Яфарова крайне осторожно высказывается об итоге кампании 1678 г., хотя очевидно, что она не расценивает ее как полную

неудачу (с. 300-302). Иногда хотелось бы, чтобы она смелее формулировала свои выводы; возможно, не была бы лишней и обобщенная оценка деятельности и характеристика личностей таких персонажей, как И. Самойлович и Г.Г. Ромодановский, стратегия которого и до сих пор вызывает обвинения в излишней пассивности русской армии. Вместе с тем, автор показывает, что эта стратегия была вполне целесообразной, а осторожность командующего имела под собой основания: он действительно имел дело с мощным и боеспособным противником (основными силами турецкой армии); не имея надежной информации о ее численности, он считал ее силы превосходящими, а первые авангардные бои с значительными турецкими силами (сражение у Стрельниковой горы 3 августа) привели к достаточно серьезным потерям.

Еще одной заслугой М.Р. Яфаровой является обнаружение в архивах общей сводки потерь армии Г.Г. Ромодановского от 5 октября 1678 г. (с. 293-296), которая позволяет представить себе их реальный масштаб: по ее подсчетам (не учитывающим полк В.А. Змеева, на который пришелся основной удар у Стрельниковой горы и в более раннем сражении 13 июля), потери убитыми и ранеными достигали 15 тыс. чел., т.е. почти 19% от определенной ей ранее общей численности армии, что сопоставимо с потерями русской армии под Конотопом в 1659 г. и почти вдвое больше, чем в петровских битвах под Полтавой и при Пруте (10-11%), но разве лишь чуть меньше, чем в битве при Лесной. Таким образом, кампания 1678 г. по своему накалу была одной из кровопролитнейших кампаний русской армии. П.В. Седов колоритно обрисовал, какой шок в Москве вызвало возвращение в столицу армии с многочисленными ранеными по завершении боевых действий (Седов П.В. Закат Московского царства... С. 318-321).

Но эта сводка не учитывает небоевых потерь, которые были, очевидно, не менее тяжелы, чем в турецкой армии, из-за скученности в лагере с нездоровой водой, отравленной трупами мертвых лошадей (там же, с. 320). И здесь, возможно, следовало бы обратить внимание еще и на климатический

фактор, осложнявший течение кампаний, который в условиях ранней мобилизации и продолжительной службы русской армии в этом году мог сыграть весьма существенную роль. Джеффри Паркер в вышедшей в 2013 г. работе о глобальном кризисе XVII века связал его с «малым ледниковым периодом», и отметил, что один из его пиков пришелся как раз на 1660-е - 1670-е гг., а близкий к нашим событиям 1675 г. был вообще «годом без солнца». Тем паче, что сама диссертантка отмечает факт массового голода в Крыму как раз в 1675-1676 гг. (с. 123), а также приводит свидетельство Ф. де ла Круа о влиянии погоды (непрерывных дождей) на потери турецкой армии при отходе от Чигирина в 1678 г. (с. 298-299), которое могло сказаться и на состоянии армии русской.

Во всяком случае, потери турецкой армии оцениваются не менее значительной цифрой, чем русские (от 15 до 60 тыс. – с. 299-300), а опыт «общетурецкого» похода 1678 г., по мнению нашей исследовательницы, оказался для Турции явно негативным и вскоре привел к решению о сворачивании войны.

И хотя в этих обстоятельствах совершенно неудивительно, что Г.Г. Ромодановский поплатился за кампанию 1678 г. окончанием своей военной карьеры в качестве долголетнего главы Белгородского разряда (полка), но выявленный диссертанткой истинный масштаб и накал столкновения, как нам кажется, вновь делает вопрос о степени его вины в произошедшем дискуссионным.

Исследовательница осторожно высказывается и по другим дискуссионным проблемам: очевидно, что она не разделяет мнения П.В. Седова о слабости русской армии с преобладанием полков «нового строя», утверждая, что по крайней мере русская пехота не уступала в боеспособности турецкой (с. 113), и не соглашается с Седовым в том, что в сражении 13 июля 1678 г. рейтарские полки В.А. Змеева показали низкие боевые качества (с. 259-260).

Таким образом, восстанавливая детально в третьей главе замыслы сторон, ход и масштаб событий, а также результаты ключевой в войне второй чигиринской кампании 1678 г., автор создает почву для дискуссий и пересмотра и корректировки многих стереотипов в оценке происходивших тогда событий.

М.Р. Яфарова рушит и современные украинские легенды о расхождении интересов и перманентном противостоянии украинского казацкого «квазигосударства» (якобы никуда не исчезавшего с 1648 г. и до времен Мазепы) и украинского народа с Россией и российским правительством. Она наглядно демонстрирует, что в течение нескольких лет обе стороны преследовали общие интересы, отвечавшие прежде всего чаяниям самих украинцев, желавших сохранения единства своего этноса и объединения Левобережья и Правобережья. Российское правительство почти постоянно учитывало мнение И. Самойловича и реализовывало его предложения (даже по таким второстепенным вопросам, как оказавшееся неэффективным привлечение калмык к кампаниям 1677-1678 г.), а Г.Г. Ромодановский и украинский гетман чаще всего не расходились во мнениях, действуя вполне согласованно и, видимо, относясь друг к другу с взаимным уважением. Защита интересов украинцев стоила российскому правительству существенных людских потерь и огромных материальных затрат в превратившемся с 1678 г. в полномасштабную войну конфликте с Турцией.

Последнее особенно наглядно доказывает заключительная четвертая глава диссертации («**Военные действия в 1679-1681 г.**»), которая мне представляется очень важной в работе.

На мой взгляд, чрезвычайно существенно, что М.Р. Яфарова продолжает анализировать по архивным источникам последующие два года войны, прошедшие без активных военных действий.

По ее мнению, изнурительная кампания 1678 г. создала патовую ситуацию – она была равно тяжелой не только для России, но и для Турции, и заставила не только российское правительство, но и руководство

украинской автономии к весне 1679 г. принять решение о сворачивании конфликта, ради чего уже тогда пришлось отказаться от борьбы за Правобережье, которая могла бы привести к новому масштабному турецкому вторжению и к угрозе куда менее обороноспособному Киеву и Левобережной Украине. Тем более, что Турция далеко не сразу отказалась от планов нового масштабного похода, намечая его начало на 1 апреля, и ожидание раннего прихода турок к «георгиевому дню» 6 мая и решительной атаки Киева вынудило российское правительство провести чрезвычайно раннюю мобилизацию практически всех наличных сил армии.

Последняя, по мнению М.Р. Яфаровой, в 1679 г. почти в 1,5 раза превысила численность сил, задействованных в чигиринском походе 1678 г. (с. 344-345). Важно, что исследовательница обнаружила в архивах и опубликовала еще более полную, чем для 1677 г., «роспись» этой выдвинутой на Украину почти 90-тысячной (без казаков Гетманщины) армии на момент завершения ее мобилизации 23 июля (с. 340-344). Российское правительство и военное руководство не сразу поверило в весенний переход Турции к оборонительной стратегии, выразившийся в укреплении и строительстве цепочки «днепровских городков», и даже в 1680 г. все еще не исключало возможности масштабного турецкого вторжения. Как следствие, идя навстречу пожеланиям И. Самойловича, оно опять уже ранней весной мобилизовало все ресурсы армии (роспись войск снова найдена и опубликована исследовательницей – с. 373-375)), даже несколько превысив в 1680 г. численность армии 1679 г. (с. 375-376).

Таким образом, русско-османское противостояние привело к пятилетнему периоду (1676-1680) непрерывных мобилизаций практически всей созданной к этому времени в России новой военной структуры (а войска Белгородского разряда, к примеру, активно участвовали в конфликте еще в предшествующие четыре года и уже в 1677 г. жаловались на тяжесть служб – с. 110), и масштаб и продолжительность этих мобилизаций лишь возросли в заключительные «мирные» кампании конфликта. Все это стало серьезным

испытанием для новой военной структуры, а также для военно-служилого и податного населения и русских финансов, и вряд ли случайно вызвало к жизни податную и военно-административную реформы заключительного периода войны.

В заключении М.Р. Яфарова суммирует основные выводы своей работы, и, подводя итог своему анализу логики развертывания конфликта, совершенно обоснованно выделяет три его основных этапа (1) 1677 г.; 2) 1678 г. (фазу кульминации); 3) 1679-1681 гг. (фазу его постепенного сворачивания, закончившегося Бахчисарайским миром 1681 г.)).

Конечно, исследовательнице стоит подумать над более четким структурированием и некоторым «сжатием» приведенного в ее диссертации огромного фактического материала, однако это не меняет общего чрезвычайно благоприятного впечатления от работы.

Подводя итог, можно констатировать, что работа М.Р. Яфаровой является серьезным самостоятельным и оригинальным исследованием, основанным на глубоком анализе обширного массива архивных источников, многие из которых диссертант впервые вводит в научный оборот. Она придает «новое измерение» оценке многих аспектов русско-османского противостояния в 1677-1681 гг. и, при некоторой доработке, несомненно заслуживает публикации.

Автореферат кандидатской диссертации М.Р. Яфаровой вполне адекватно отражает основные положения работы и по своей структуре и содержанию соответствует необходимым требованиям к нему. Основные положения диссертации отражены в публикациях в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, утвержденных на основании решения Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Диссертация М.Р. Яфаровой «РУССКО-ОСМАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В 1677-1681 ГГ.» соответствует критериям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней в

Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова» от 27 октября 2016 г., а ее автор – Яфарова Мадина Рашидовна, заслуживает присуждение ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Доктор исторических наук,
профессор кафедры гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Липецкого филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при президенте Российской Федерации
(РАНХиГС)

20 апреля 2017 г.

Н.Н. Петрухинцев

Николай Николаевич Петрухинцев, тел. + 79601552521
398 020, г. Липецк, ул. Интернациональная, д. 3
Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте РФ (РАНХиГС)

Телефон: 8 (4742) 27-99-12, электронная почта:

nicPetrukhintsev@yandex.ru

Подпись Петрухинцева Н.Н.
М. Яфарова

